

русский

пионер

№5(47) июнь – август 2014

литературный иллюстрированный журнал

ДЕТЯМ ДО 16-ТИ НЕТ СМЫСЛА

Клятва главного редактора стр. 4

первая четверть

Урок правды. Я снова ничего не понимаю.

Павел Лунгин о том, как он видел Тарковского

стр. 14

Урок уроков. Не прерывая сговора теней.

Марина Тарковская про заветную папку

со стихами *стр. 16*

Прогул уроков. Все это о бессмертии.

Диана Арбенина о том, что нужно позволить себе

остаться в живых *стр. 18*

вторая четверть

Пионер-герой. И бутылка библейского.

Обозреватель «РП» в храме Вознесения Господня *стр. 22*

Следопыт. Зона Рублева. Наш корреспондент

решает, был ли Андрей Рублев *стр. 26*

третья четверть

Диктант. Страсти по Андрею. В тему

номера *стр. 36*

Дневник наблюдений. Юрьевец. Зеркало.

Обозреватель «РП» в Юрьевце и в зеркале *стр. 38*

Урок истории. Жертвоприношение.

Михаил Тарковский о своей бабушке *стр. 46*

Урок поэзии. Однажды, когда нагулялся
я за ночь, мне встретился Рерберг
Георгий Иванович. Стихи **Андрея Орлова**
(Орлуши) стр. 54

Сочинение. Сталкер-2. **Майк Гелприн**
стр. 58

Комикс **Андрея Бильжо** стр. 65

Фотоувеличитель. Тарковский в кадре:
от первых шагов до первых фильмов
стр. 69

четвертая четверть

Урок мужества. Лазерная Настя.

Обозреватель «РП» на передовой в Новокосине стр. 82

Урок географии. Третья ходка. **Бенни**
Брискин в пустыне стр. 88

Рассказ продолжается. Похождения
морского чекиста, или Поцелуи
в Пионерском скверике. Рассказ **Игоря**
Свинаренко стр. 94

группа продленного дня

Правофланговый. Столонаследие. **Алексей**
Кудрин о том, как он сидел за столом, где писался
сценарий «Андрея Рублева» стр. 102

Запевала. Подключайся. **Андрей**
Макаревич о своем отражении в «Зеркале» стр. 104

Подшефная. За тихую родину. Вера

Полозкова о единственном виде путешествия,
которое возможно *стр. 106*

Правофланговая. Фестивальное. Эдит

Куснирович о пользе фестиваля в жизни человека
стр. 108

Отличник. Отражения. Алексей Боков

про залог чистого света *стр. 112*

Пионервожатый. Дремучий лес символов.

Виктор Ерофеев о прекрасной картине распада
стр. 114

Звеньевой. Человек со свечой. Андрей

Плахов о том, что смерть, как обычно, расставляет все
по местам *стр. 116*

Центровой. Рефлекторный страх.

Дмитрий Якушкин про 10-минутную сцену
стр. 118

Знаменосец. Язык и код. Андрей Бильжо

про бутерброды с языком на «Мосфильме» *стр. 120*

Горнист/Энотека. Сутки через трое. Вита

Буйвид о питерском алкогольном цикле *стр. 122*

Всегда готово. Брюквенный раскол. О диете
староверов *стр. 126*

Списано с ruspioneer.ru. Продолжение воспоминаний
писателя **Евгения Попова** о Василии Аксенове
стр. 132

Внеклассное чтение. Книга рыбака. Рассказ

Натана Дубовицкого *стр. 136*

Урок правды шеф-редактора. Подведение
ИТОГОВ *стр. 143*

Первая четверть.

Урок правды. Я снова ничего не понимаю. Павел Лунгин о том, как он видел Тарковского. *Урок уроков. Не прерывая стовора теней. Марина Тарковская* про заветную папку со стихами. *Прогул уроков. Все это о бессмертии. Диана Арбенина* о том, что нужно позволить себе остаться в живых.

ИТАР-ТАСС

Я снова ничего не понимаю

→ текст: павел лунгин рисунок: маша сумнина

Режиссер **Павел Лунгин** написал о том, как он однажды увидел Тарковского, не сразу понял, что тот — сновидец от Бога, а через много лет выяснилось, что он, Лунгин, снова оказался перед закрытой дверью. Открыть ее Павел Лунгин пытается читателям «РП».

Я ВИДЕЛ Тарковского один раз в жизни. 1960 год. В нашей московской квартире жил тогда Виктор Некрасов. Он останавливался у нас, когда приезжал из Киева. Я помню чувство какого-то ветра, шороха. Мама бросилась убирать ту комнату, которая называлась «синей», хотя давно уже была обклеена обычными светлыми обоями. Комната должна была выполнять функцию кабинета, но в ней всегда кто-то жил. В этот момент — Вика, так его звали друзья. Я понял, что кого-то ждут, и ждут кого-то необыкновенного. Наконец звонок в дверь, и они вошли. Высокие, загорелые, красивые. Я мгновенно влюбился в них безответной, неразделенной любовью. Что-то в них было от инопланетян. Это были Тарковский и Михалков-Кончаловский. Из приветственных улыбок, рукопожатий, разговоров я понял, что они заканчивают ВГИК и принесли Некрасову сценарий. Я превратился в индейца и подползал к ним все ближе. Сценарий назывался «Андрей Рублев», и был он про Россию. Дверь «синей» комнаты раскрылась, они вошли, я попытался превратиться в собственную тень

и проскользнуть за ними, но дверь захлопнулась. Даже тень тени не могла проникнуть туда, где мне больше всего хотелось находиться. Мне было тогда 11 лет. Не знаю, прочитал ли Некрасов сценарий, но больше они у нас никогда не появлялись. Надо было немного знать Вику, чтобы понять, что мучительное философское размышление о России и о предназначении художника было бесконечно далеко от него. Просто это был самый теплый период «оттепели», и некрасовское органическое неприятие власти, которую он называл не иначе как Софья Власьевна, его отказ от всех привилегий, чинов и постов были тогда магнитом, который притягивал к нему все свободные человеческие частицы того времени. Я понимаю, почему они пришли к нему, и понимаю, почему они больше не вернулись. Я прошел в своем отношении к фильмам Тарковского три этапа, которые, наверное, прошли все люди, занимающиеся кино. Сначала ты потрясен, ты раздавлен, ты понимаешь, что ты такого никогда еще не видел, и даже плохо представляешь, как такое можно сделать.

Потом раздражение: да, конечно, он гений, но почему его так много, почему опять эти бесконечно медленные планы, почему опять яблоки под дождем и черная собака в луже и почему даже люди, которые ни черта не понимают ни в кино, ни в искусстве, говорят только о нем и клянутся его именем? И наконец — полное приятие, без восхищения и без раздражения. Так воспринимаешь явление природы или факт существования смерти. Тарковский был сновидец в библейском понимании этого слова, и он никогда не забывал своих снов. Этим он отличался от всех остальных людей. Это был его дар, его сила и его проклятье. Каждый его фильм — это попытка воплотить не забывающийся, преследующий его сон.

Вот что говорит герой «Зеркала»: «Мне часто снится этот сон. Он повторяется почти буквально, разве что с самыми несущественными вариациями. Просто лишь дом, где я родился, я вижу по-разному: и в солнце, и в пасмурную погоду, и зимой, и летом... Я привык к этому. И теперь, когда мне снятся бревенчатые

стены, потемневшие от времени, и белые наличники, и полуоткрытая дверь с крыльца в темноту сени, я уже во сне знаю, что это мне только снится, и непосильная радость возвращения на родину омрачается ожиданием пробуждения. Но когда я подхожу к крыльцу по шуршащей под ногами листве, чувство реальной тоски по возвращению побеждает, и пробуждение всегда печально и неожиданно...»

Когда шесть лет назад мне предложили стать президентом фестиваля «Зеркало» на родине Тарковского, я узнал, что дом Тарковских в Завражье затоплен водохранилищем. Его больше нет. Он, как Атлантида, ушел на дно, оставив нам мечту о потерянном царстве искусства и о художнике, родившемся в нем. Мы никогда не сумеем поднять его. Мы можем только все больше приближаться к нему. Поэтому мы пытаемся на фестивале в Плесе создать нашу маленькую Атлантиду, собирая режиссеров, актеров, киноведов и просто друзей, которые готовы на пять дней разделить с нами сны о Тарковском.

Но я читаю Тарковского дальше и нахожу:

«...Мне показалось, что, если мне удастся реализовать этот сон в фильм, он покинет меня, что мне таким образом удастся освободиться от чувств, сопутствовавших этому видению... Но интересно, что таким образом мне действительно удалось освободиться от преследовавших меня воспоминаний. Хотя теперь я уже скучаю о них и в меня вселилось ощущение большой потери. Я думал, что, избавившись от этих воспоминаний, я облегчу себе отношение к жизни. А сейчас мне кажется, что потеря осложнила мою ситуацию, ибо вакуум, который образовался после этого в душе, так ничем и не заполнился».

Я снова ничего не понимаю. Полвека спустя я опять стою перед закрытой дверью, за которой говорят какие-то самые главные слова. **Ю**

ИТАР-ТАСС

Не прерывая сговора теней

→ текст: марина тарковская

Марина Тарковская — сестра Андрея Тарковского и один из организаторов международного кинофестиваля «Зеркало» — раскрывает заветную папку со стихами, посвященными Андрею.

АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ родился в семье поэта, и вполне естественно, что его имя появилось в русской поэзии, когда он был еще ребенком. Поэма отца «Завещание», посвященная сыну, была написана в 1934-м и дополнена в 1937 году. Большой поэт — это еще и пророк. Удивительные и прекрасные пророческие строки легли на бумагу из-под пера отца:

*Все, чем я жил за столько лет отсюда,
За столько верст от памяти твоей,
Ты вызовешь, не совершая чуда,
Не прерывая сговора теней.
Я первый гость в день твоего рожденья,
И мне дано с тобою жить вдвоем,
Входить в твои ночные сновиденья
И отражаться в зеркале твоём...*

В детские и юношеские годы именно отец, папа, был самым желанным гостем в дни рождения Андрея. Сын ждал, когда в гулком деревянном коридоре дома № 26 по 1-му Щиповскому (тогда именно так писалось название нашего переулка) раздастся стук папиных костылей, и выбегал отцу навстречу.

Есть снимки Льва Горнунга, где отец и сын 4 апреля 1949 года играют в шахматы. Мог ли знать тогда отец, что через тридцать семь лет в фильме сына «Зеркало» будет отражена его судьба и зазвучат на кадрах военной хроники его стихи о бессмертии...

Близкий друг семьи Тарковских — поэт, фотограф-художник Лев Горнунг, наш крестный отец, чьи снимки стали известными кадрами фильма «Зеркало», написал поэму, посвященную двухлетнему Андрюше. Дядя Лев, как мы его звали, тоже оказался провидцем. Он оставил миру фотохронику Андрея и предрек ему жизненный путь в искусстве.

ОДА НА ГОДОВЩИНУ РОЖДЕНИЯ АНДРЮШИ ТАРКОВСКОГО

*Теперь, когда опять природа
Нас разлучить должна с зимой,
Ты празднуешь свои два года,
Андрей Арсеньич, крестник мой.*

*Твои года да будут долги,
Ты воздух пил большим глотком,
Тебя Голубка, как из Волги,
Вспоила вольным молоком.*

*И там, на родине далекой,
Ты начал жизнь в счастливый час
И, востроглазый, краснощекий,
Увидел солнце в первый раз.*

*О, не забудь потом, средь прозы,
Как любовались далью мы,
Когда взбирались, словно козы,
На юрьевецкие холмы.*

*Твой дикий «дядя», лев косматый,
Запратав когти далеко,
Тебя ласкал не лапой — ватой
И убаюкивал легко.*

*Он образ твой векам оставил,
Хоть был ты и нетерпелив,
Он на тебя не раз направил
Свой неумный объектив.*

*.....
Будь музыкантом непременно
И дирижером также будь,
Одно искусство совершенно,
А музыка — завидный путь.*

*И знай (хоть прожил ты два года):
Недаром Тютчев убежден,
Что отмечает всех природа,
Кто в роковые дни рожден...*
В ноябре холодного и голодного послевоенного 1947 года в нашей семье случилось большое несчастье: заболел Андрей. Диагноз был страшный — туберкулез. Полгода длилось его лечение в детской туберкулезной больнице. Был пропущен учебный год, оставлена учеба в художественной школе. Но все проходит... Весной 1948 года Андрей уже был дома. И его школьный приятель, юный поэт Жирайр Тер-Овьякимян написал почти оптимистическое стихотворение, если бы не его финальная строфа.

АНДРЕЮ ТАРКОВСКОМУ

*Не смотри так на меня сердито,
Оглянись с улыбкою окрест.
Рано нам отбрасывать копыта,
Черт не выдаст и свинья не съест.*

*Мы еще пошебутим, наверно,
Где болезням да осилить нас!
Верю, зарубцуются каверна
И в футбол сыграем мы не раз.*

*Улыбнется и закурит мама,
У Маринки заблестят глаза...
Мы еще походим на «Динамо».
Поддаваться недугам нельзя.*

*Недуги ли, недруги ли — что нам!
В их ворота мы забьем мячи.
Жизнь лишь улыбается веселым,
Или мы с тобой не хохмачи.*

*Где нас в жизни только не носило!
Стадионы брали на «ура».
Да, конечно, Хомич — это сила,
Только что он супротив Бобра!*

*Что ж, к футболу все ведут дороги,
Не убудет нашего полка.
Для футбола сбережем мы ноги,
Рано их протягивать пока.*

*Погоняем мяч ли на Щиповском
Иль в Большой сгоняем на «Садко»,
Только ты не будь лишь мягким воском,
Как всегда на жизнь смотри легко.*

*Жить да жить еще нам честь по чести,
Так что ты не хнычь и не грусти,
Коль умрем, то уж на новом месте
Или где-то, может быть, в пути.*
И этот совсем юный, шестнадцатилетний, поэт тоже оказался провидцем: кладбище под Парижем, а не Москва, оказалось последним пристанищем Андрея...
Не хочется сейчас заниматься необязательными уточнениями — скажу, что папка с названием «Стихи, посвященные Андрею» появилась у меня после его кончины. Она постепенно наполнялась — в нее попадали стихи как известных поэтов, так и любителей, людей, знавших Тарковского, и незнакомых поклонников его творчества. Одни стихотворения напечатаны на пишущей машинке, другие написаны от руки, третьи — на компьютере. Всех этих очень разных авторов объединяет одно — любовь к режиссеру, к его творчеству и скорбь от его преждевременного ухода из жизни. Эти поэты стали истинными выразите-

лями чувств, которые испытывали в то время тысячи кинозрителей.

В этой папке хранятся опубликованные в книге воспоминаний «О Тарковском» стихи, написанные одноклассником и другом юности Тарковского Андреем Вознесенским — «Белый свитер», и высочайшего звучания реквием по Андрею Юнны Мориц — «Ностальгия по умершим от ностальгии...». Совсем недавно я получила стихотворение поэта Григория Певцова, которое он написал ночью с 5 на 6 января 1987 года, на девятый день после смерти Андрея, не зная еще, что Тарковский ушел из жизни.

*Ты отдохни, —
зеленоглазый русский мальчик
смеется*

И звонит в твои колокола... —
так кончаются эти стихи.

Прислали мне свои стихотворения Мария Баранова из Коломенского, пишущая стихи и изучившая колокольное искусство: «Знаю, что ты отливал / колокол свой для меня на экране...», и Нина Ювенская из Костромы, родившаяся, как и Андрей, в селе Завражье на Волге:

*Две даты вновь переплелись:
Одна — весна и пробужденье —
Души Андреевой рожденье,
Другая — рядом, чуть пониже,
На сером камне под Парижем.*

Следующие пять машинописных строк на слегка пожелтевшей бумаге, поистине трагических, написанных «лютым январем 87-го», принадлежат Анатолию Обидченко:

УЧИТЕЛЬ

*Он учил говорить. Повторяли мы хором.
По слогам. Про себя. В темноте. За спиной.
Грани острые тьмы холодили нам ворот...
Он вернулся в наш класс с перерезанным горлом.*

*Было слово. Был свет перемен над страной.
Не все стихи я перечислила, не все имена
назвала. Но есть в моей папке особо любимые
мною стихотворения, потому что их написал
мой сын, сибирский писатель и поэт Михаил
Тарковский. Приведу здесь только одно его
четверостишие:*

*...Я не ропщу. Ведь мы не потерялись,
Пока плывет каретка вдоль стола
И за спиной волнуется Солярис
Бессмертного святого ремесла.*

саша манолова

Все это о бессмертии

→ текст: диана арбенина рисунок: boris donov

В поэтической колонке **Диана Арбенина** уверяет: чтобы родились юные силы жить дальше, нужно совсем немного — включить любую картину Тарковского, и нужно очень много — позволить себе остаться живым.

ТАРКОВСКИЙ. блокбастеры. все до единого. и все взалхлеб. и каждый выворачивает сердце наизнанку и сносит сознание в детство, когда папа молод и не выпускает из рук фотокамеру, а мама пленяет всех и каждого загадкой, которая с ней повсюду.

я прочитала его фильмы в 39. впервые и сама. до этого смотрела их из глаз родителей. в нашей семье он был другом и союзником. он тек в нас своей водой, ручьями, лужами пролитого молока, кувшинами, в которые часами капал дождь, глотками туманов над полями, белоснежно-надраенным космосом наконец. он парил в моих родителях любовной гравитацией жертвоприношения. он дал мне силу нырять в огонь и любить красный цвет сильнее черного. он показал мне рублева и научил не бояться икон.

я покрестилась в 33. по убеждению и сама. до этого богом был пропитан наш быт и наши души, но без произнесения имени бога вслух. так правильно и только так, по моему убеждению, честно. я и сейчас так думаю. но в 33 мне стало необходимо поблагодарить. я сделала, и мы стали еще ближе.

«в начале было слово. почему, папа?» и нет ответа малышу. и мне нет ответа. звенит тонко-тоненько в сердце ностальгия по детству, в котором все осталось, из которого все получилось и которое никогда не вернуть. слезы душат и текут жгучими канавами. каждую картину его провожаю горькими, невыносимо горькими слезами. все эти годы, без малого 4 десятка лет, знала, что буду плакать, и потому не смотрела его фильмы. как не открыть шкаф с одеждой умершей мамы. время! с каким азартом оно завтракает нашей молодостью, с каким упоением обедает нашей зрелостью, с каким наслаждением по-хозяйски, не торопясь, ужинает нашей старостью. я не боюсь смерти. я боюсь умереть. и слаще нет святости и очищения духа, чем в его дождях, амальгаме его зеркал, траве и яблоке, забытом средь крошева. и плавает и растекается бесконечный белый цвет его картин. и невинные его мальчики с глазами ангелов, хлебнувших войны и голода, с бесконечными главными вопросами вырастают во взрослых мужчин и остаются при этом

беззащитными и неприкаянными. и непре-
менная тонкость происходящего со всеми,
включая тебя и меня, превращает момен-
тальные два часа в нашу бесконечность во
вселенной.

при бесконечности течения плана — внезапное
резкое падение тела, и понимаешь, насколь-
ко зыбко наше спокойствие и как не уверен
в себе наш мир. в кадре живет театр и бросает
происходящее на пленке под ноги. я в воронке
соучастия.

и так пласт за пластом он соскребает накипь
моих лет, и потому я беззащитна и потому
плачу. но, поплавав ребенком, навсегда отлу-
ченным от родного и теплого, я вдруг неожиданно
для себя расцветаю. водой из голубень-
кой детской лейки он поливает росток души,
чтоб тот не очерствел.

все это о бессмертии. бессмертии доброты, ко-
торая суть веры. в каждом кадре он пытается
оградить, спасти, наполнить светом и глубиной.
в каждом кадре он защищает от суеты и под-
чиняет особому своему темпоритму, увлекаю-
щему сознание вглубь себя самого. доброта не
бывает суетлива. искусство пахнет ладаном,
а не поп-корном.

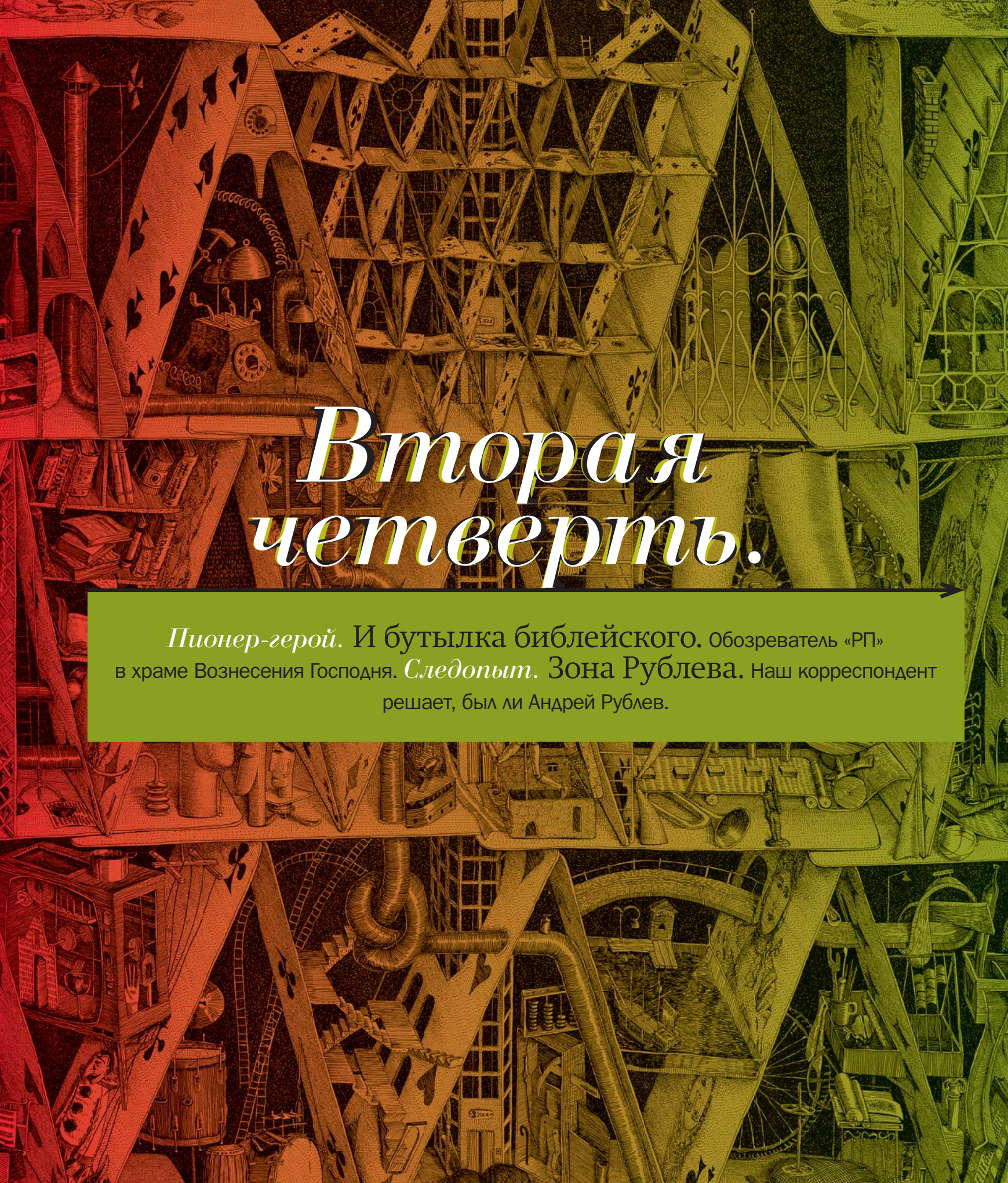
и чтобы родились юные силы жить дальше,
нужно совсем немного — включить любую его
картину. и нужно очень много — позволить
себе остаться живым.

для тех, кто верит, есть бог. я знаю, где его
искать.

тарковский. *РН*

Всегда готов!

Вторая четверть.

Пионер-герой. И бутылка библейского. Обозреватель «РП» в храме Вознесения Господня. Следопыт. Зона Рублева. Наш корреспондент решает, был ли Андрей Рублев.

Пионер-герой.

*Был я рукоположен и получил этот самый приход
в Охотино. Место, видишь, чудное, на берегу Волги,
намоленное. Храму двести лет. Правда, одни руины
стояли, когда я сюда приехал.*

И бутылка библейского

текст и фото: дмитрий филимонов

Обозреватель «РП» **Дмитрий Филимонов** оказывается в деревне Охотино, в храме Вознесения Господня, чтобы послушать монолог отца Иоанна о тех временах, когда он, в миру Святослав Святославович «Свят-Свят» Гаврилов, работал художником на «Мосфильме» с Андреем Тарковским.